

Василиса Мелентьевна

...По переделкинеким улицам в поселке писателей гуляли две старухи. Одна с палкой, рука за спину, в телогрейке, длинный фартук, платок шерстяной, а под ним другой платок – белый. Вторая старуха более современная. Пальто, видимо, дочь «отказала». Из-под пальто юбки не видно. Тоже в платке, но повязанном как-то небрежно. Гуляли они не торопясь, по солнышку, в первой половине дня.

Постепенно на репетициях «Деревянных коней» я стала подбирать для себя и телогрейку, и платок белый, а сверху вязаный, и фартук, и кофту светло-серую – нужно было перебить мой высокий рост разными цветами юбки и кофты (на эскизе у Д. Боровекого было коричневое платье в мелкий желтый цветочек). Репетиции шли туго. Сначала решили отказаться от пояснительного авторского текста, который читал артист Золотухин. Сразу же вся вводная часть – характеристика Мелентьевны – вылетела. Роли фактически нет, есть тема. А как эту тему играть, на чем строить роль, непонятно. Как играть видения? Реально? Например, с братьями: «Братья-то как услышали...». На репетициях за моей спиной вставляли четыре брата, и каждом у была дана реплика:

– Одно только словечушко, сестра.

– Мы дух из Мирона вышибим. И т. д.

Потом и от этого отказались, все перешло в рассказ Жуковой, а я братьев «видела» перед собой только мысленно – причем видела не напрямую по рассказу, а по-своему, по своей ниточке воспоминаний. Действие шло как бы в двух измерениях: с одной стороны, реальный рассказ Жуковой на посиделках, в котором принимали участие все присутствующие, а с другой стороны, шли видения – сны Мелентьевны, которые зрители должны были прочесть, только в моем взгляде, в моих глазах. У меня очень мало слов, и слова в основном обращены к зрительному залу, поэтому эти безмолвные воспоминания-сны играть трудно. Выручало то, что я сижу на авансцене, хорошо освещена, зал маленький – и я могу играть «крупным планом». В больших залах эта двойственность и поэтичность пропадали, оставалось литературное чтение. Просто – «посиделки».

...Мне хотелось познакомиться с переделкинскими старухами, но как это сделать, я не знала. Не подойти же к ним и не сказать, что, мол, я играю вот такую старуху, как вы, расскажите мне о своей жизни. Даже если бы они и поняли мой вопрос и стали что-то специально рассказывать, вряд ли мне это помогло. А как случайно столкнуться с этими бабками – я не знала.

Сидела я как-то в лесу на скамеечке. Солнце. Снег. Морозно. Идут мои старухи. Видимо, устали. А скамейка одна. Думаю про себя, заклинаю – ну садитесь, садитесь. Подошли. Поздоровались очень обстоятельно, не торопясь. Сели. Разговорились: кто, откуда, прекрасная погода... Вторая старуха, разговорчивая (у нас в спектакле такую играет Г. Н. Власова), выложила всю свою жизнь, откуда она, кто дети, где живет, муж был пьяницей, сейчас она живет у снохи и т. д. Моя Мелентьевна сидит тихо и только трет палкой о снег. И когда уже та выговорилась – пауза – и только палка о снег... болтливая говорит: «Смотри, как палка о снег, как о пшеничную кашу». А Мелентьевна моя вдруг: «А это я крысу чищу». Это была первая ее фраза. Я спрашиваю: «Какую крысу?» Она: «Да вот попала в сарае в капкан крыса, а я палкой-то и вытащила. Теперь целый день эту палку-то и чищу». Я говорю: «Как крысу? Живую»

крысу?» Она говорит: «Какое живую! Она там сунула морду за едой, а капкан-то сильный. Ну вот и все – насмерть». Я говорю: «Жалко крысу-то!» Первый раз она на меня взглянула: «Кого жалко? Крысу?» Я говорю: «Ну так, грех, наверное. Ведь сказано: «Не убий». Если не убий, значит, никого не убий. И животных тоже не убий».

Вторая тут же рассказала какую-то свою длинную историю, которая увела меня куда-то на Полтавщину в совершенно другое время и была о другом. Кончила эту историю. Помолчали. Мелентьевна, как будто этой полтавской истории не было, продолжая свою фразу, говорит: «Ну, ведь и людей убивают. Вот, – говорит, – у нас был старик, странный был старик, но все говорили, что он ясновидящий – не знаю, я это ни разу за ним не замечала. Ну, кормили его, по домам он ходил. Как-то раз к нам пришел, а у него по всему телу вот такие вши». Она показала полпальца (кстати, я обратила внимание, что у нее руки очень вроде бы городские, интеллигентные, давно не работавшие физически, высохшие. Узкая ладонь, длинные пальцы – то, чего я стеснялась в своих руках в этой роли и все время прятала руки под фартук). «Вот такие, говорит, вши. А мы говорим: «Чего ж так, дед?» А он говорит: «Грех убивать-то». И все. И опять замолчала.

Еще я заметила, что моя переделкинская Мелентьевна не только просто занималась делом – чистила палку. Она и слушала и не слушала. У нее была какая-то своя мысль, и это не значит, что она думала о мироздании или вспоминала всю свою жизнь назад. Думает ли она, или говорит, но только тогда смотрит на людей, когда какой-то интересный вопрос – или когда ее что-то удивляет. Что-то новое для нее. Но это очень мельком – а потом опять вся в себя.

А я в своей Мелентьевне на репетициях все время вертелась, – кто говорит, на того и смотрю, головой киваю...

Перед спектаклем «Деревянные кони», когда зрители рассаживаются по местам, я сижу за кулисами в костюме моей Мелентьевны и вспоминаю Переделкино, двух старух, одиноко бредущих по аллее, у одной из которых за спину закинута рука открытой ладонью наружу, вспоминаю мою владимирскую бабушку, как она молилась перед закатом, вспоминаю добрые поступки людей, с которыми мне посчастливилось встретиться, вспоминаю свое одинокое детство. Успокаиваюсь. Выхожу на сцену.

Использован источник: Тени зазеркалья. Роль актера : тема жизни и творчества / Алла Демидова. М., 1993.